

В связи со сказанным представляется актуальным исследование различных религиозных структур в плане создания условий для взаимопонимания и терпимого отношения друг к другу людей, обладающих различным религиозным мировоззрением. Это накладывает большую ответственность как на религиозные общности и учреждения, осуществляющие процесс религиозного воспитания, так и на инстанции, контролирующие этот процесс. Религиозные объединения и государственные учреждения должны объединить усилия в предотвращении воспитания таких чувств, как религиозная исключительность и нетерпимость к инакомыслию, ненависть, которые воплощаются в идеях и нормах, оправдывающих экстремизм, терроризм, человеконенавистничество, «замешанные» на религиозной основе. В то же время проповедь ненасилия, уважения к человеческой личности, милосердия, терпимости, сотрудничества, произнесенная с церковной кафедры, воспринимается верующими без сомнений и как руководство к действию.

Галина Михайловна ЗАБОЛОТНАЯ —

*доцент кафедры политологии
факультета истории и политических
наук, кандидат философских наук*

Ирина Николаевна ШИЛО —

*доцент кафедры социологии и
социального управления*

*Международного института финансов,
управления и бизнеса, кандидат
социологических наук*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДОВЕРИЕ — СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Проблемы толерантности и доверия являются одними из наиболее актуальных в современном научном дискурсе. Они представляют и непосредственный практический интерес, о чем свидетельствует тот факт, что темы толерантности и социального доверия обязательно присутствуют при обсуждении таких вопросов, как оптимизация межэтнического диалога, разрешение социальных конфликтов, обеспечение общественного порядка и стабильности, развитие демократических процессов.

Остановимся на отдельных аспектах, характеризующих феномен толерантности.

Объектом толерантности выступают различия. Современное социальное пространство общества функционирует, говоря словами французского социолога П. Бурдьё, как пространство групп, которые отличаются друг от друга разными стилями жизни, различными ощущениями социального мира и своих позиций в нем [1, с. 67, 69]. Любой признак — пол, язык, богатство, политические ориентации, спортивные пристрастия и эстетические вкусы — может стать основой для проведения символических границ между индивидами и группами. Эти и другие различия лежат в основе конструирования социальных идентичностей, в которых и закрепляется восприятие человеком своей близости к одним индивидам и отличий от других. На ментальном уровне это фиксируется в дихотомии «свой–чужой/другой», «мы–они». Известно, что восприятие «других» как «врагов» выступает психологической основой выбора конфликтной стратегии поведения. Нетерпимость, неприязнь к «другим» представляет собой противоположный полюс толерантности. Но представление о «других» присутствует и при конструировании толерантных отношений. Толерантность предполагает признание того, что «другие» име-

ют право на «инаковость» — право быть непохожими на тебя. Утверждение толерантного отношения к различиям как нормы повседневного поведения индивидов требует их огромной внутренней работы над собой, итогом которой должен стать отказ от многих стереотипов и предубеждений, в том числе от коллективного эгоизма и «нарциссизма», под которым обычно понимается представление об исключительности собственной группы и признание ее в качестве «эталонной» при оценке других групп.

Толерантность проявляется по отношению к разным различиям и их носителям. В условиях глобализации и возрастания значимости фактора «политизованной этничности» внимание общественности в первую очередь привлечено к проблеме гармонизации взаимоотношений разных цивилизационных типов общества и более частных межэтнических и межконфессиональных отношений в рамках конкретных обществ. Но не менее остро стоит проблема развития терпимого отношения к индивидам и группам, ориентированным на другой стиль жизни и другие вкусы (заметим, что нетерпимость друг к другу фанатов различных футбольных клубов подчас по своей остроте не уступает межрелигиозной нетерпимости), к политическим оппонентам. Один и тот же человек может быть толерантным в отношении этнокультурных различий и быть нетерпимым, например, к людям нетрадиционной сексуальной ориентации, к представителям отдельных молодежных субкультур. И напротив, человек может терпимо относиться к подобным образцам поведения, но испытывать раздражение к тем, кто занимает нижние позиции в социальной иерархии либо находится слишком высоко. Не существует толерантности «вообще»: толерантность проявляется в конкретных сферах социальных взаимодействий и направлена на соответствующий круг различий. На наш взгляд, узкую сферу для толерантности демонстрирует политика. Сама внутренняя логика политики предполагает борьбу и конфликт идей, отрицание взглядов другой стороны. Даже если эта борьба и не принимает форму открытого конфликта (революции, гражданские войны, акции гражданского неповиновения), она существует в скрытой форме — в форме символической борьбы разных агентов за навязывание определенного видения мира и его оценок, т. е. за утверждение монополии на «свою правду» о социальном мире [1, с. 85]. Сказанное не означает, что в политике не может быть места для толерантности, иначе бы общество находилось в постоянной «войне всех против всех», о которой писал Т. Гоббс, либо вынуждено быть всегда тоталитарным или авторитарным. Одномерному тоталитарному политическому пространству противостоит идеологическая и партийная многомерность демократического политического пространства. При этом сохраняется политическая конкуренция, возможность существенных разногласий социальных агентов. Как справедливо отметил Н. А. Косолапов, «политика, политические отношения всегда были и остаются сферой, искусством перманентной конфликтности» [2, с. 37]. Толерантность в этом случае должна быть включена в процедурный механизм политики и проявляться в готовности социальных агентов признать существование политического оппонента и соблюдать правила борьбы, установленные Конституцией.

В целом можно сказать, что толерантность выполняет важнейшую функцию в современном мире — функцию поддержания политического и социокультурного, этнического многообразия. Именно эта функция толерантности становится актуальной в условиях демократизации современных обществ и процесса глобализации. С точки зрения демократического идеала различные формы социальных идентичностей должны «мирно» сосуществовать и дополнять друг друга. Это, в частности, вытекает из таких демократических ценностей, как плюрализм и признание автономности личности. В этом плане демократичное общество не должно противиться процессам фрагментации стилей жизни и появлению новых форм самопричислений (идентичностей). Проблема возникает тогда, когда индивид начинает испытывать чувство психологического беспокойства, настороженности и подозрительности по мере того, как увеличивается число контактов с «другими».

Актуализация проблемы толерантности связана также с неоднозначными последствиями глобализации. Утверждение единых рыночных моделей, организационных принципов, демократических институтов и ценностей, потребительских вкусов неизбежно влияет на культуру и стиль жизни разных народов, делая их более однообразными. Но тенденция универсализации общественной жизни противоречит стремлению народов сохранить свою культурную самобытность. Эта ситуация способна стать причиной гипертрофированного роста этнического самосознания и всплеска защитного национализма. Уже сегодня ареал распространения защитного национализма охватывает все регионы мира. Для народов Азии и Африки он стал реакцией на вестернизацию и углубление экономической контрастности мира, на отставание по уровню жизни от богатых стран. В странах же Запада рост защитного национализма стимулирован другими причинами. Наблюдаемый здесь всплеск ксенофобии и шовинизма в отношении иммигрантов, и на этом фоне — успех националистических партий, в качестве своего психологического основания имеет ощущение угрозы как «креолизации» общества, так и конкуренции на рынке труда и в сфере социальных благ, предоставляемых государством. Рост числа конфликтов, в основе которых лежит расовая, национальная и религиозная нетерпимость, очевиден. Современный мир оказался перед дилеммой: конфликт цивилизаций (известный прогноз американского политолога С. Хантингтона) или сосуществование разных культур. Будущее мира связано с развитием по второму варианту. Последнее требует утверждения толерантного взгляда на многообразие культурно-исторических традиций, на другие социокультурные различия, выраженные в формуле «единство в многообразии». Назрела необходимость в поддержании определенного баланса между субкультурами, признание ценности каждой из них при одновременном переносе акцента с различий на универсальные, «консенсусные» ценности, среди которых важнейшими являются ценность жизни человека, свобода, права человека, справедливость, солидарность и толерантность.

Толерантность очень часто отождествляется с терпимостью, которая так же включает в себя признание различий. Но существует разная мотивация этого признания, и не каждое терпимое отношение к «другим» следует признать толерантным. Например, терпимость к другим может быть вызвана осознанием собственной слабости и невозможности изменить ситуацию. В этом случае речь идет не о толерантности, а о терпении. Наконец, терпимость может выступать как нейтральность, продиктованная лозунгом: «Я не мешаю жить вам, а вы не мешайте мне». Американский исследователь М. Уолцер в работе «О терпимости» выделил несколько оснований терпимого поведения: отстраненно-смирненное отношение к различиям; безразличие; принципиальное признание того, что и «другие» обладают правами, даже если способ пользования этими правами вызывает неприязнь; любопытство; восторженное принятие различий как проявления свободы выбора и автономии индивида; уважение и желание прислушиваться и учиться [3, с. 25–26]. По мнению М. Уолцера, все перечисленное есть проявление толерантности. На наш взгляд, это слишком широкий подход. Представляется, что терпимость есть констатация того, что существуют различные культуры, стили жизни, ценности, но с ними следует не более чем мириться. Толерантность же — не только признание различий, социокультурного и политического многообразия, но и уважение «инаковости» других, доверие по отношению к ней. В то же время толерантность не означает отказа от собственных взглядов и ориентаций.

Доверие выступает в качестве необходимого компонента построения толерантных отношений. Признавая за другими право на непохожесть, право на свободу проявлений своеобразия в обычаях и верованиях, в стиле жизни, в ценностных ориентациях, мы одновременно доверяем другой стороне в том, что и она будет так же признавать за нами аналогичные права [4, с. 84]. Функциональность доверия в кон-

тексте рассматриваемой проблемы заключается в том, что оно позволяет социальным субъектам преодолеть чувство беспокойства, настороженности, которое вызывается контактами с «другими». Следует признать, что развитие «доверия к инаковости» является тем фактором, который призван нивелировать восприятие различия и делает возможными отношения сотрудничества между разными социальными агентами. Доверие дает ощущение относительной безопасности и надежности повседневных отношений, способствует утверждению отношений взаимности и кооперации социальных агентов. Доверие включает в себя ожидание взаимности — предположение о выполнении неких обязательств со стороны окружающих.

Межличностное доверие участвует в конструировании горизонтальных социальных сетей взаимодействия, позволяющих создавать гражданские ассоциации и организации, в рамках которых разные группы населения удовлетворяют свои как политические, так и специфические неполитические интересы: политические партии, экологические, досуговые организации, организации взаимопомощи, объединения населения по месту жительства и т. д. В этом плане многим западным исследователям гражданское общество мыслится как образованное сетями взаимного доверия [5, с. 113; 6, с. 8]. Причем речь идет не только о взаимном доверии людей, входящих в какую-либо добровольную гражданскую ассоциацию, но и об отношениях доверия между различными общественными организациями и разными по своей оформленности группами интересов. Тем самым межличностное доверие, скрепляющее первичные отношения, превращается в социальное доверие. Но это идеальное представление о гражданском обществе не всегда отвечает реальности. На практике группы интересов могут вести себя эгоистично и конкурировать между собой за право «быть услышанными» и поддержанными населением или органами власти. Уже в середине XX в. ряд обществоведов выступили с предупреждением о том, что чрезмерно большое количество активных групп интересов даже в условиях зрелой демократии может парализовать функции представительной власти и исказить их в пользу более организованных групп интересов, требующих для себя дополнительных субсидий и гарантий от государства. Как представляется, уменьшить конкуренцию и потенциальную конфликтность между группами интересов и гражданского общества можно через развитие культуры ассоцианизма, которая предполагает сочетание способности групп граждан к самоорганизации для отстаивания собственных интересов с отношениями сотрудничества, доверия и толерантности по отношению к другим группам. Эта культура проявляется в расширении участия населения в различных организациях. Причастность к гражданским организациям, по мысли Р. Патнэма, формирует у их членов навыки кооперации и ощущение гражданской ответственности за коллективные начинания. Кроме того, они невольно учатся терпимости [5, с. 114–115]. Включаясь в различные организации, индивид отказывается от одностороннего видения какой-либо проблемы, на которую ориентирована его организация, а должен строить свои практики с учетом целей представителей других групп, в контактах с которыми он также заинтересован.

Горизонтальные социальные взаимодействия, построенные на основе доверия и толерантности, порождают особый феномен, который был назван западными исследователями Дж. Коулменом, Р. Патнэм и Ф. Фукуямой «социальным капиталом». По их мнению, социальный капитал — это нечто иное, нежели «человеческий капитал» — знания и навыки конкретного индивида, способности к общению. Человеческий капитал используется в частных целях. Социальный же капитал формируется социальными отношениями, он «менее осязаем, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов» [7, с. 126]. Исследователи обращают внимание на разные функциональные аспекты социального капитала. По мысли Дж. Коулмена, он способен облегчить производственную деятельность, увеличить эффект групповой кооперации. Группа, «внутри которой существует полная надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не об-

ладающей данными качествами» [7, с. 126]. Доверие, отказ от нанесения ущерба, честное поведение в духе сотрудничества, готовность к взаимопомощи, будучи включенными в кодекс профессионального поведения производственных корпораций, способствуют, как считает Ф. Фукуяма, достижению экономического процветания. Особую роль Ф. Фукуяма придавал социальному капиталу в обеспечении эффективности политических демократических институтов [8, с. 156]. К близким выводам о связи социального капитала с эффективностью демократического управления и ростом благосостояния пришел и Р. Патнэм. Вовлеченность в общественную жизнь и участие в деятельности гражданских ассоциаций повышает политическую грамотность и в целом «личную гражданскую компетентность», учит добиваться коллективных целей. Как и Дж. Коулман, и А. Хиршман, он разделяет точку зрения, что специфическим свойством социального капитала является его способность возрастать в объеме по мере расходования и, напротив, сокращаться, если им не пользуются. Таким образом, чем прочнее отношения доверия и солидарности, чем чаще индивиды и группы прибегают к сотрудничеству и взаимопомощи, тем больше становится произведенного социального капитала [5, с. 210–211, 279].

Итак, доверие как составная часть социального капитала выступает необходимым условием нормального функционирования гражданского общества и его способности к конструктивному диалогу с государством. Именно компетентные и сплоченные граждане, вовлеченные в политическую и общественную деятельность, заставляют лидеров почувствовать свою ответственность перед рядовыми гражданами. Наконец, доверие и установка на взаимное понимание позволяют преодолеть риски интолерантного поведения индивидов и групп.

Следует признать, что в современной России объем социального капитала (в терминах Р. Патнэма и Ф. Фукуямы) катастрофически мал. Обычно в качестве показателей величины «социального капитала» используются индекс доверия, членство в общественных объединениях, участие в коллективных действиях. Аналитически рассчитано, что нижней границей доверия между людьми, при котором еще возможно какое-либо конструктивное взаимодействие, является уровень в 33,3%. В европейских странах число людей, положительно отвечающих на вопрос «Доверяете ли Вы людям?», составляет, например, в Италии 50-60%, в Германии, Франции, Великобритании и Дании — 85-90%. Как показывают исследования, в российском обществе уровень доверия находится на критически низком уровне. Только 35% респондентов ответили, что они доверяют людям [9]. В то же время социологические опросы фиксируют тягу населения к восстановлению надежных и устойчивых социальных связей не только с помощью законности и мер правопорядка, но и через развитие отношений доверия. Исследования проблем толерантности и социального доверия в России в 1995 и 1999 гг. показали следующую противоречивую картину: 76% респондентов указали, что «для того, чтобы установить хорошие человеческие отношения, необходимо понять взгляды другого человека», но в то же время 77% опрошенных считали, что «нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми» [10]. Таким образом, хотя в обществе и имеет место осознание необходимости понимания взглядов другого для установления с ним нормальных отношений, однако доминирующей остается установка на недоверие, что ставит под сомнение саму возможность взаимодействия.

Столь же низким является показатель участия в каких-либо общественных организациях. Идея членства в какой-либо партии сегодня не популярна у российских граждан. Избиратели предпочитают поддержку той или иной партии на выборах оформлению своего членства и хождению на партийные собрания. Так, согласно результатам социологического опроса, проведенного кафедрой политологии Тюменского государственного университета в январе 2002 г. на территории области и входящих в ее состав двух автономных округов (2328 респондентов избирательного возраста), только 2,8% отметили, что являются членами политической партии. Столь

же низким является показатель участия в других общественных организациях (2,1%). Респонденты даже не вспомнили, что являются членами профсоюзов. Это не означает, что на социальном пространстве региона общественные организации отсутствуют. Только в областном центре на конец 2001 г. было зарегистрировано более 1220 гражданских объединений самого различного направления – от политических партий до любительских ассоциаций [11, с. 45]. Но многие из них малочисленны, не ведут активной деятельности, обладают слабым потенциалом влияния на населения либо полностью лишены его. К этому следует добавить неверие населения в эффективность этих институтов в плане их способности выразить и отстаивать их интересы в диалоге с властью.

Основной формой политического участия граждан и способом выражения доверия или недоверия конкретному экономическому и политическому курсу, партиям и лидерам остается участие в выборах. Вместе с тем в последние годы отмечается существенное уменьшение институционального доверия, прежде всего к структурам государственной власти, партиям, СМИ и самому институту выборов. Более чем десятилетний опыт проведения альтернативных выборов показывает, что растет число граждан, отказывающихся участвовать в голосовании, а среди активных избирателей — тех, кто демонстрирует протестное голосование — голосование «против всех». Например, явка на избирательные участки на выборах в Государственную Думу в 1999 г. по сравнению с 1989 г. на юге области снизилась на 20%, на 16% — в Ямало-Ненецком и на 10% — в Ханты-Мансийском автономных округах. Еще более низкий интерес избиратели проявляют к местным выборам. Сами респонденты объяснили свою пассивность в декабре 1999 г. разочарованностью в политической жизни и выборах. Четверть из них заявили, что не интересуются политикой и никогда не участвуют в выборах. Другая четверть представлена респондентами, сомневающимися в демократичности и честности института выборов. Свое неучастие они выразили тем, что выборы не меняют ситуацию и от них ничего не зависит. Третью группу составили те, кто среди многочисленных участников избирательной кампании так и не нашел «своего» кандидата (17%) или «своей» партии (8,8%). Что же касается респондентов, проголосовавших на выборах 1999 г., то, как следует из ответов, 30 – 60% избирателей конкретных партий за прошедшее после выборов время успели разочароваться или в этой партии, либо в партиях в целом.

Наш опрос подтверждает результаты других исследований о кризисе институциональных форм социального доверия, или, говоря словами британского социолога Э. Гидденса, — доверия к абстрактным системам. В отличие от межличностного или межгруппового доверия этот тип доверия распространяется на политические и экономические институты, на символическую систему и призван придать человеку чувство уверенности в надежности социального порядка в целом. Что касается поддержки населением институтов государственной власти, то участники нашего опроса в меньшей степени склонны доверять представительным органам власти (центральным и региональным), нежели главе государства и губернаторам, в чьих руках, по их мнению, сконцентрирована реальная власть и способность воздействовать на ситуацию. Так, полностью или частично доверяют действующему Президенту 84% респондентов, губернатору области — 72,6% опрошенных жителей юга Тюменской области. Главам администраций округов соответственно доверяют 70,5% респондентов ЯНАО и 62,4% опрошенных в ХМАО. На этом фоне демонстрация доверия к представительным органам власти всех уровней почти в два раза ниже. Низки оценки демократичности самой власти, ее способности прислушиваться к мнению рядовых граждан. Опрошенные выразили скепсис в отношении своих возможностей повлиять на деятельность власти. Так, половина из них считает, что федеральные органы власти не учитывают мнения граждан, а 40% подобным образом высказались об областных и окружных органах власти.

Издержками недоверия, распространившегося сегодня как в сфере горизонтальных, так и вертикальных отношений и взаимодействий, являются чувство беспокойства, подозрительности, стремление к самоизоляции в закрытом мире семьи, отчуждение от участия в полноценной политической и общественной жизни, рост конфликтности и нетерпимости и в целом низкий уровень социального капитала общества. Преодоление кризиса недоверия и формирование установок на толерантные отношения и взаимодействия – сложная и комплексная задача. Выделим некоторые направления приложения усилий, способствующие решению этой проблемы. Первое направление связано с преодолением кризиса в экономической и социальной сферах, повышением уровня жизни и социальной защищенности граждан. Резкая экономическая поляризация общества, бедность основной массы населения являются главными причинами социальной нестабильности, роста раздражения и нетерпимости к тем, на кого общественное сознание возлагает «вину» за создавшуюся ситуацию. Второе направление связано с развитием демократических процессов в обществе. Это предполагает, в частности, поддержку активного участия граждан в жизни общества; обеспечение для всех равных прав и обязанностей вне зависимости от их социального статуса; подотчетность лидеров рядовым гражданам; развитие и поддержку общественных ассоциаций и объединений граждан, в которых они проходят своеобразную школу воспитания сотрудничества и коллективной ответственности; появление новых тем, выносимых общественностью для обсуждения с властью; развитие диалоговых форм информационных обменов между властью и гражданами.

Другим важнейшим направлением развития толерантности и социального доверия является сохранение и приумножение культурного многообразия и духовного наследия. Подавляющим большинством экспертов отмечается специфическая роль культуры как механизма сдерживания, обуздания нетерпимости и развития социального доверия [12]. Считается, что наиболее эффективный механизм формирования толерантных установок — изучение иных культур. Поэтому современные образовательные программы должны строиться на принципах культурной и религиозной толерантности.

Утверждение социального доверия, культурного и политического плюрализма, религиозной и национальной терпимости может быть осуществлено в полной мере лишь в рамках определенной правовой системы. Ориентиром здесь являются международные нормы, призванные обеспечить равноправие граждан и диалог разных культур. Эти нормы закреплены рядом документов, принятых ООН и ЮНЕСКО: «Декларация принципов толерантности», «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» и др. На европейские страны распространяется действие «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Вступивший в силу 12-й протокол конвенции обязывает ратифицировавшие его государства гарантировать все права без какой-либо дискриминации и предусматривает механизм наказания в случае невыполнения обязательств. В ноябре 2000 г. этот протокол подписала и Россия. В нашей стране главным документом для широкого определения толерантности является Конституция, в которой государство берет на себя обязанность и ответственность за обеспечение равного доступа к охране здоровья, образованию, социальному обеспечению, реализации права на жилище для всех без какой-либо дискриминации.

Развитию социального доверия и толерантности призваны способствовать усилия, направленные на недопущение расизма и расовой дискриминации, которые закреплены прежде всего в «Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации», «Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него», «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам». В России борьба с проявлениями национальной и расовой дискриминации регулируется статьями Уголовного кодекса, предусматривающего ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и

гражданина и за действия, направленные на возбуждение национальной и расовой вражды, унижение национального достоинства, за пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их национальной или расовой принадлежности. Конфессиональные взаимоотношения регулируются Федеральным Законом «О свободе совести и религиозных объединениях», принятым в 1997 г.

В заключение подчеркнем, что развитие толерантности и «климата» социального доверия, увеличение социального капитала общества требует объединенных усилий со стороны всех агентов социального взаимодействия: индивидов, институтов и групп гражданского общества, государства, системы образования и непосредственно семьи. Сделан только первый шаг к решению этой проблемы — осознание опасности для общества, которую таят в себе подозрительность, социальное недоверие, нетерпимость к социокультурным, этническим и религиозным различиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социальное пространство и «генезис» классов // Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. С. 55 – 98.
2. Косолапов Н. А. Конфликты постсоветского пространства: проблемы дефиниции и типологии // Международная экономика и международные отношения. 1995. № 12.
3. Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, 2000.
4. Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник Московского государственного университета. 2002. № 2. С. 80 – 86.
5. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
6. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
7. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122 – 139.
8. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 123 – 162.
9. Золотухин В. М. Толерантность как принцип поведения // <http://virlib.eunnet.net/sofia/05-2002/text/0509.htm>
10. Политическое сознание россиян: традиции, настоящее, будущее // <http://4p.ru>
11. Тюмень начала XXI века / Отв. ред. В. Р. Цибульский. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002.
12. Нетерпимость в России: Старые и новые фобии / Под ред. А. Малашенко, Г. Витковской. М.: Московский Центр Карнеги, 1999.

*Владимир Борисович МИНАКОВ —
доцент кафедры гуманитарных и
социальных наук Тюменской
государственной архитектурно-
строительной академии,
кандидат философских наук*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ

Современное состояние общества предполагает интенсивный поиск и реализацию механизмов, задающих стабильное состояние общественных процессов, что позволяет управлять социальными процессами, задавая получение позитивных и со-